

**«Снова выплыли годы из мрака и шумят,
как ромашковый луг»**

Появились шахматы, шашки, баян – за первое место на смотре самодеятельности. Дети медленно, но менялись. Построили баню. Я принимаю детей. Они вертятся: «А я чистенький?», «А я?».

Вечером в спальне, помня мамины уроки, читаю, пересказывают детям. Я и сегодня многое помню наизусть из классики. Перед сном поправишь одеяло, кого просто погладишь.

Слышишь: «А ко мне не подошли»... Оттаивали сердца детей. Нашел на них азарт соревнования: чья комната, спальня чище. У меня всегда были группы мальчиков. Воспитательницы просили: «Возьмите мальчиков, у вас получается». Девочки ходят с ваткой – проверяют санитарное состояние. А мои мальчишки рады стараться. У всех коечки заправлены безукоризненно. К новому году наша группа получила первое место за оформление. Ещё бы! У нас такой художник – Боря Тубанов. Подсиненную марлю так разрисовал – все приходили смотреть. Немало было детей талантливых. К примеру, Ахмет шин Сагит впоследствии отличным пианистом. Дети разных национальностей жили как одна семья. Жора Ли Лу – китаец, Сагит – татарин, Иванов – цыганенок. Игры у детей военных лет тоже были военные. Помню, как Витя Тютрин и мой Валера под грохот барабана «хоронили» Гитлера.

Дети были большие мечтатели. Отец Темникова Вити воевал в Морфлоте, и у мальчика была мечта – стать капитаном. Самой большой мечтой детей было: «Вот приведёт за мной мама или папа»... Увы, кажется, ни одного ребёнка мама или папа не забрали.

Однажды Володя Русин попросил меня написать письмо маме. Я написала, отправила. Получаю ответ, показала воспитателям. Мать пишет: «Что вы меня беспокоите? У меня муж и двое детей. Я не хочу, чтобы они знали ещё про кого-то».

Мы ничего не сказали ребенку. А он ждёт, заглядывает в глаза: «Давайте напишем снова». Второй ответ был таков: «Не вмешивайтесь в мою жизнь. Он мне не нужен». А мальчик добрейший человек, шахматист, отличник. Что делать? Пришлось сказать правду. Как он плакал! «Я вырасту, буду работать, разыщу её и скажу: «Ты мне не мама». Володя Русин не пропал в жизненном море. Он стал профессором, живёт в Москве.

А вот другая история.

Мама Вити Самсутдинова прислала ласковое письмо сыну из тюрьмы: «Сынок, прости меня. Мне осталось сидеть немного. Выйду, возьму тебя к себе. У нас всё будет хорошо. Больше мы никогда не расстанемся. Слушайся воспитателей. И не воруй, сынок».

Когда нас расформировали, дети плакали. Я привезла в Прибайкальский район к родителям Леню Фирсова, мальчика способного, но упрямого. Помню, как-то с трудом убедила его идти сдавать экзамен по математике в четвёртом классе. Решил за 15

минут. И вот он дома. В доме грязь, какая-то не устроенность. Ребёнок не хочет оставаться с матерью... Как сложилась его судьба, к сожалению, не знаю.

У каждого воспитанника свои проблемы – большие и маленькие. Однажды приходит девочка: «Анастасия Ивановна, я очень страшная?». (Она приехала из санаторного детдома. Лицо в прыщах, и это её мучило). – «Ты симпатичная девочка. Это всё с возрастом пройдёт. Ты рукодельница, умница, общественница. Откуда ты взяла?» - «Мама так считает. Поэтому я ей не нужна». И опять слёзы. Детям нужна мама. Мы старались находить тропинки к их сердцам. Но что скрывать, прозвищами наши воспитанники наделяли всех – от директора до сторожа. Уже спустя годы спросила я у одной взрослой – дважды мамы – воспитанницы: «Галя, скажи, какое прозвище было у меня?». И она ответила: «Наша Ма».

Надо ли мне что-нибудь добавить к этому?

Нелли КОРОБЕНКОВА.